

А. В. ЛАВРЕНТЬЕВ

ДЛЯ КАКИХ ЦЕЛЕЙ БЫЛИ ОТЧЕКАНЕНЫ «ЗОЛОТЫЕ» ЛЖЕДМИТРИЯ I?

Как бывает с окрестными государствами мирные и война, и в то время царь <...> хочет <...> тому государю метити войною; и воевати и бояре <...> положат пошевым шедом збор со всего государства...

Г. К. Косовицкий

О России в царствование Алексея Михайловича.

Русская практика пожалований за ратные подвиги сложилась на протяжении XV—XVII вв. в систему монетовидных знаков — «государственных золотых», кратных по весу европейским золотым дукатам и ходячим русским серебряным денгам; первые считались более почетными и были предназначены для награждения командного состава вооруженных сил России.¹ Обязательной частью изображений «золотых» являлись государственный герб и титул монарха.

Среди наград XVII в. сохранились три уникальных экземпляра знаков с именем и титуле «царя государя и великого князя Дмитрия Ивановича», т. е. самозванца Лжедмитрия I (1605—1606 гг.). Два из них принадлежат отделу нумизматики ГИМ и один — Гос. Эрмитажу.²

«Золотые» Самозванца стоят особняком среди прочих наград XVI—XVII вв. не только в силу экзотичности самой фигуры авантюриста. Их существенное отличие от «золотых» других «государей всея Руси» состоит в том, что, по общему мнению отечественных нумизматов, они — единственные среди «золотых» русского средневековья — не были вошскими наградами.

¹ Спасский И. Г. 1) «Золотые» — вошские награды в донской Руси // Труды Гос. Эрмитажа. Т. 4. Нумизматика. Вып. 2. Л., 1961. С. 92—134; 2) Монеты и монетовидные золоты в Московском государстве и первые «золотые» Ивана III // ВИД. Т. 8. Л., 1978. С. 123—124.

² Это «золотые» двух номиналов — «в один» и «в десять угорских» (Спасский И. Г. «Золотые»... С. 111; Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989. С. 85—86). Есть сведения о существовании «золотого в четыре угорских» с титулом Лжедмитрия I, местонахождение которого неизвестно (Спасский И. Г. «Золотые»... С. 113).

Для такого умолаживания есть веские основания. Во-первых, в пору краткого правления Самозванца не состоялся ни один военный поход и, следовательно, отсутствовал сам повод для награждения. Во-вторых, сохранилось внушительное количество свидетельств современников об использовании неких золотых монет в придворных церемониях — венчании Лжедмитрия I на царство (30 июля 1605 г.) и свадебных торжествах новопеченного «государя» и Марины Мюшкет (8 мая 1606 г.). С ними исследователи и связывают чеканку «золотых» и имя Самозванца.¹

В то же время внешний вид «золотых» целиком повторяет юбилейные награды Ивана Грозного,² в чем, безусловно, имелся расчет на некоторый внутриполитический эффект.³

Итак, возможно ли совмещение столь разных функций для «золотых» Лжедмитрия I? Выяснение их реального назначения, а это и есть цель настоящей работы, невозможно вне контекста тех внутриполитических обстоятельств, в которых авантюрист оказался после занятия «отростка трона» весной 1605 г. и которые, в конечном итоге, предприняли кончину Лжедмитрия, погибшего в ходе майских событий 1606 г.

Историками русской нумизматики уже давно скрупулезно учтены почти все мемуарные и иные свидетельства использования «золотых» в придворных церемониях при Лжедмитрии I. Во время венчания на царство и в ходе свадебных торжеств их разбрасывали под ноги процессии, в толпу, заполнившую Кремль, и пр.⁴ Считается, что подобного рода «действия» — составная часть русских придворных обычаев и, следовательно, ничего противоземельного в подобном использовании «золотых» нет, однако с этим стоит разобраться подробнее.

Русский свадебный обряд в эпоху средневековья был чрезвычайно устойчив и практически не менялся на протяжении XV—XVII вв.⁵ Чины венчания на великое княжение и царство, а они сохранились со времени великого князя Московского Василия III, действительно предусматривали «осыпание» «золотыми денгами и серебряными тризды», которое доверялось «брату или близкому еродичу» государя.⁶ В случае отсутствия таковых церемония препоручалась, во избежание «поруки государственной чести», тем, кто формально также носил царский титул — кленювским и сибирским царевичам, жившим при столичном дворе.⁷ В сложных случаях несо-

¹ Спасский Н. Г. 1) Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. // (Историко-нумизматическое исследование) // МИА. Т. 44. М., 1955. С. 295; 2) Монеты и монетовидное золото... С. 120; Мельникова А. С. Русские монеты... С. 84—85.

² Спасский Н. Г. «Золотые»... С. 111.

³ Мельникова А. С. Русские монеты... С. 85—86.

⁴ Карзинкин А. О медалях царя Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия I). М., 1889. С. 24—27; Спасский Н. Г. Монеты и монетовидное золото... С. 126; Мельникова А. С. Русские монеты... С. 85.

⁵ Подробнее см.: Козиченко А. И. К истории великорусского свадебного обряда // Советская этнография, 1957. № 1. С. 69—71.

⁶ ДРВ. Ч. 7. М., 1788. С. 32—33. 297—300, 365—368. 470—474.

⁷ Там же. С. 365. 470—471, 474.

дени из старых русских традиций рождественного «счета», сочетая их с «политической целесообразностью».¹⁰

Сразу заметим, что в русском денежном обращении отсутствовала золотая монета¹¹ и для обряда венчания на царство скорее всего использовали специально для этой цели выделенные серебряные копейки и монеты меньших номиналов.

Описание церемонии «осыпания» есть в русских летописях: приготовленные заранее деньги (речь везде идет именно о деньгах, а не о «золотах», что, естественно, не одно и то же) из особой «мисы» сыпаны на голову и плечи царя непосредственно по возложении венца, на выходе из Успенского собора, вторично у входа в Архангельский собор и в третий раз «у Благовещения на середине вестнищей».¹² Сохранились два изображения «осыпания» — в Царственной книге (60-е годы XVI в.) и Книге о венчании на царство царя Михаила Федоровича (1672 г.), принципиально ничем не отличающиеся.

Не надо обладать большой фантазией, чтобы предстать, какие неудобства доставили бы обряд, исполтуый в нем не легковесные русские деньги, а достаточно тяжелые «золотые» крупных номиналов, все которых многократно превышал русскую монету.

Свидетельств об использовании «золотых» монет в церемонии венчания на царство 30 июля 1605 г. сохранилось два, и оба согласно показывают, что речь идет не об «осыпании». Голландский резидент И. Масса, рассказывая о венчании, которое видел собственными глазами, говорит, что «золотые монеты <...> рязбрасывали на пути следования процессии»¹³ (удель, и даже разрядка моя. — А. Л.).

Так же описывает церемонию и капитан Ж. Маржерет, стоявший в это время в Кремле в ожидании: «По выходе (из Успенского собора. — А. Л.) <...> бросали на дорогу мелкие золотые

¹⁰ При венчании на царство царя Федора Иоанновича (1584 г.) «осыпание» было доверено боярину Ф. И. Метислашскому (ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 232), хотя в это время членами Думы были два ближайших родственника царя — шурин Б. Ф. Годунов и дядя по матери И. Р. Захарьин-Юрьев. Ф. И. Метислашский перенесением в Думе как рождественки царской семьи, хотя и неблизкой (сын двоюродного брата Гроznego и шуря сестры великого князя Василия III), по родству это, в отличие от Романовых и Годуновых, было длинным и, по выражению С. Ф. Платонова, «чрезвычайно ценным» (*Платонов С. Ф. Борис Годунов // Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории. Т. 2. СПб., 1994. С. 108*). Кроме того, отдал предпочтение Годунову или Захарьин-Юрьеву сначала нарушить армянское рановенне у трона, для сохранения которого Гроznego на смертном одре предпринимал беспрецедентные усилия. Подробнее см.: *Платов А. И. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.)*. СПб., 1992. С. 30 и след.

¹¹ «Золотых монет русские сами не чьрают, но употребляют по большей части вешерские, а иногда ризские» (*Заказар и Ливеня. Россия или Московия // Платонова С. Ф. Страны о древней Москве. М., 1991. С. 308*).

¹² ПСРЛ. Т. 29. М., 1963. С. 50; Т. 34. С. 232. В «шике» царя Федора Иоанновича описывается единичный раз четвертое «осыпание», «и паричинал наделах на месте с паричию Приною Феодоровичю» (ПСРЛ. Т. 34. С. 232), скорее всего связанное с тем, что царь, как это редко случалось до возложения венца, был женат. Отсутствие в России специальной церемонии венчания на царство царя отметил еще Ж. Маржерет (см.: *Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 169*).

¹³ *Murca H. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 113.*

монеты в пол-эку, в эку и некоторые в два эку, отчеканенные для такого случая».¹⁴

Фразу Маржерета о специальной чеканке скорее всего не стоит понимать буквально, как это делал И. Г. Спасеский, считавший ее доказательством использования «золотых» в церемонии венчания на царство.¹⁵ Мемуарист подчеркивает небольшие размеры монет: на изготовление чеканов «золотых» крупных номиналов, и именно они сохранились до наших дней, требовались месяина (об этом ниже), в то время как ходячие серебряные деньги были отчеканены в Москве вскоре после входа в столицу войск Самошанца, между 6 и 30 июля 1605 г., и к моменту венчания на царство, очевидно, поступили в обращение.¹⁶

Нет нужды особо останавливаться на разнице «осыпания» и «рабрасывания». Отметим лишь, что, пожелай Самошанец следовать русскому обычаю, у него не было бы проблем со «средниками» или нарядворцами «царского кореня»: налицо был клан «дядьев» по матери, Нитих, в том числе родные братья удовой царицы, Андрей и Михаил Федоровичи, казанский царь Симеон Бекбулатович,¹⁷ а также проживавший в Москве сибирский царевич Елизей.¹⁸

В нумизматических собраниях, в том числе и в ГИМ, сохранилось несколько уникальных медячек с изображением Лжедмитрия и датской надписью, как предполагалось, изготовленных не позднее 1604 г. в Польше специально для раздачи при коронации.¹⁹ Речь о них впереди, пока же отметим, что раздача таких не подходит на «осыпание» и ни в коем случае не относится к числу русских придворных церемоний. Впрочем, нет никаких свидетельств об использовании их в торжествах 30 июля.

Не так проста и ситуация с «золотами» на свадьбе Самошанца и Марины Мишкек в мае 1606 г.

Свадебный чин русского средневековья предполагал схожий по виду с «осыпанием» обряд, но для него использовалась специальная смесь, «осыпало».²⁰ В состав «осыпала» входили хмель, швещичное зерно и монеты, причем, по всяком случае на середину

¹⁴ Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета. С. 197.

¹⁵ Спасеский И. Г. Денежное обращение. С. 295.

¹⁶ Именно в этот временной промежуток — между судом над боярином В. Н. Шуйским и венчанием Лжедмитрия I — один из мемуаристов посвящает повесть о том, что Самошанец «выбил монету в воспоминание нового государя и для всеобщего употребления» (Сказания современников о Дмитрии Самошанце. Т. 1, СПб., 1856, с. 339).

¹⁷ Официально титулованный «царем», престарелый и полудефет Симеон Бекбулатович, переживший опалу при Годунове, пользовался «многостыем» Самошанца (Белокурова С. А. Разрядные записки за Смутное время (1713—1717 гг.). М., 1907, с. 40, 178, 183) и попал в опалу только весной 1606 г., много позже венчания Лжедмитрия на царство. О времени ссылки и опалы см.: Ульяновский В. И. Летоисход Кирилло-Белозерского монастыря 1604—1617 гг. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. СПб., 1994, с. 130.

¹⁸ Белокурова С. А. Разрядные записки... С. 7.

¹⁹ Карзишкин А. О медячках царя... С. 8; Мельникова А. С. Русские монеты... С. 83.

²⁰ ДРЦ. Ч. 13. М., 1790, с. 8, 142, 151, 157, 183. Ср.: Котова И. Г. К О России и царствованию Алексея Михайловича. СПб., 1906, с. 6—14 (гл. 1: О женитьбе царской).

XVI в., известно, какие именно. Домострой сообщает о последнем изряде «осыпача»: составляли его «дешети золотые и паутородки золочены»,²¹ то есть никоим образом не «государены золотые», а ходячие русские деньги, либо позолоченные, либо отчеканенные из золота итемпелями, предположительно для серебряных монет. Так что, в принципе, использование для обряда особым образом приготовленных русских денег вполне возможно.

Однако и в свадебной церемонии Лжедмитрий действовал вопреки русским традициям. «На царскую свадьбу в Кремль пустили иноверцев — поляков, но не пустили московского простонародья, строгий свадебный чин соблюден не был; самый день свадьбы — 8 мая на пятницу, на Николин день — был выбран против церковного устава или обычая».²² Сам по себе обряд представлял причудливую смесь действий, обусловленных тем, что невеста так и осталась католичкой.²³ Все вышесказанное в полной мере относится и к использованию в церемонии золотых монет.

Если суммировать сведения современников-мемуаристов, картина получится пестрой. Архиепископ Епископский Арестий единственный из всех сообщает об осыпании новобрачных «бесчисленными деньгами и несметным количеством флоринов»,²⁴ И. Масса говорит об уже известном нам разбрасывании золотых монет под ноги процессии — «величиною с талер и до самых мелких, в пфенни»,²⁵ другие свидетельствуют о бросании в толпу зрителей монет «в 1, 5, 10 и даже 20 черионцев», вызвавшее драку среди русских участников торжеств и предание оскорбленным поляком.²⁶ Кроме того, что деньги были разного размера и достоинства, среди них были, кроме золотых, и серебряные.²⁷ Наконец, что уж совсем дико, деньги разбрасывали во время службы в Успенском соборе.²⁸ Член польского посольства С. Немосевский, лично присутствовавший на венчании, проходившем за закрытыми дверями, к вышесприведенному еще добавляет кое-что новое: «Два раза бросали черт голову государя (Лжедмитрию I. — А. Л.) горсть португалов, золотых и позолоченных денег с государственным гербом. На португалах с одной стороны особа государя по поям с мечем и латинской надписью „Actatis xvne 24“, с другой — двуглавый орел, в груди которого единорог, а кругом по-русски императорский титул».²⁹ Как

²¹ Домострой, СПб., 1994, С. 73.

²² *Платонов С. Ф.* Очерки истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве в XVI—XVII вв. // *Платонов С. Ф.* Сочинения по русской истории. Т. 2. С. 435.

²³ *Платонов С. Ф.* Москва и Запад в XVI—XVII вв. // Там же, С. 530.

²⁴ *Дмитриевский А. А.* Архиепископ Епископский Арестий и мемуары его по русской истории: По рукописи Тригубовского Суменицкого монастыря. Киев, 1895, С. 112.

²⁵ *Масса И.* Краткое известие... С. 134.

²⁶ Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 1. С. 182—188.

²⁷ *Диевник Мария Мнишек.* СПб., 1994, С. 53.

²⁸ *Иностранцы в древней Москве.* С. 221 (Я. Веделицкий).

²⁹ *Записки Станислава Немосевского (1606—1608 гг.)* // *Титов А. А.* Рукописи славянские и русские, принадлежавшие <...> Н. А. Выхрамову. Вып. 6. М., 1917, С. 60. В примечаниях к переводу «Записок» приведен текст другой, более ранней редакции: «Бросали в церкви среди знатнейших особ <...> португалы с царским гербом (веса и

видим, в «португалах» без труда отыщется медали, отчеканенные в Польше еще до занятия «царем Дмитрием» «отчего престола».¹⁰

Даже если учесть такой фактор, как многолюдство и суетолока при торжествах, вряд ли дававшие участникам праздника возможность внимательно рассмотреть разбрасываемые деньги, поражает пестрота и разнообразие определений, дававшихся свидетелями свадьбы.

Обратим также внимание на фигуры тех членов «государева двора», которым доверили разбрасывание денег: бояре Ф. И. Мстиславский и В. И. Шуйский не имеют никакого отношения к «среднякам» царя, но еще удивительнее, что в церемонии участвовали совершенно «беспродные» дьяки А. Вячеслав и Б. Сутунов.¹¹ По русским понятиям, все это, безусловно, было «порухой государственной чести», недопустимой и столь важной церемонии и совершенно немислимой в иных ситуациях.

Итак, все вышеописанное никак не связано с русским свадебным обычаем. Собственно, это заметил один наблюдательный современник, истук Я. Велешский, прибывший в Москву в свите Мартины Минишк: деньги разбрасывались «по примеру других государей, оказывавших таким образом свою радость и щедрость при таком священном обряде».¹² Без сомнения, многократное и хаотичное разбрасывание денежных знаков равного достоинства и металла, привезенных из Польши медалью, короче говоря, всего без разбора, что в этот момент оказывалось под рукой, должно было продемонстрировать богатство нового «государя всея Руси», в первую очередь перед многочисленными иностранцами, и рассчитывалось на впечатлительный эффект, в чем «природные государя» никакой нужды не испытывали.

Существуют многочисленные указания на безудержную растрату Самозванцем царской казны в течение некоторых одиннадцати месяцев пребывания на московском троне.¹³ Кажется бы, результатом такой «щедрости» должно было стать истощение казны, исключавшее широкие «радичи» на майских торжествах. Однако, похоже, до полного оскудения кремлевских запасов было еще далеко.

После свержения Самозванца, в мае 1606 г., боярин В. И. Шуйский опечатав остатки казны собственной печатью, в 1610 г., когда, в свою очередь, заговорщики «свели» с престола «царя Василия Иоанновича», проводилось целое следствие о судьбе казны, доставшейся четырем годами ранее вновь избранному царю в наследство, в том числе и после Лжедмитрия.¹⁴ Ведших следствие бояр не остановил даже такой широкоизвестный факт, как перечеканка царских

10 золотых червошцев) два раза, после выхода <...> бросали деньги то золотые, то медночеканые, раз по шесть или семь».

¹⁰ Карпичкин А. О медных царях... С. 8, 20.

¹¹ Минин П. Краткое известие... С. 134; Зытский Станислав Неможский. С. 60; Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 1. С. 187—188.

¹² Цит. по кн.: Иностранцы в древней Москве. С. 221.

¹³ См. напр. СГД. Т. 2. М., 1812. С. 156; Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 2. СПб., 1856. С. 135; ПСРД. Т. 34. С. 207.

¹⁴ Зубович Н. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1901. С. 577, 586—587, 590.

«сокровища» на деньги для расплаты с войском в острейшей ситуации 1607 г.³⁵

Итак, если версия о чеканке «золотых» с титулом «царя Дмитрия Иоанновича» для коронационных и свадебных торжеств оказывается неубедительной, вопрос о том, для чего же чеканились «золотые», имеет смысл рассмотреть заново. Здесь надо вернуться к их первоначальному назначению — служить наградой за успехи на воинском поприще.

С возмездием Лжедмитрия прекратившиеся почти год военные действия между Самозванцем и правительственной армией, в конце концов почти поголовно перенесшей на сторону «законного наследника престола». В ней «золотыми» просто некого было награждать. До возмездия Василия Шуйского, между весной-летом 1605 г. и мвом 1606 г., русская армия военных действий не вела. Однако Самозванец, человек деятельный и честолюбивый, уже осенью 1605 г. вынашивал планы ширококомандной военной кампании: «Он <...> возомнил, что ему недолго до владыч. Московского, по помышляя о завоевании всей Татарии, Швеции и Дании, <...> по прежде всего он устремляя иторы на Татарину»³⁶. Ближайшей внешнеполитической целью нового царя стало завоевание Крымского ханства.

О степени серьезности и масштабности подготовки к походу на Крым, первому в истории до сих пор мирных отношений Москвы и Бахчисарая, можно судить только по косвенным и отрывочным данным. Но и они, собранные воедино, рисуют впечатляющую картину.

Так, известно о значительных работах по отливке артиллерийских орудий,³⁷ среди мастеров московского Пушечного двора в это время трудился знаменитый А. Чохов, изготовивший уже в конце 1605 г. орудие по приказу «царя Дмитрия Иоанновича».³⁸

При Лжедмитрии в практику русской армии вошли постоянные воинские маневры: артиллерию опробовали в незначительных стрельбах «на Стрелецкими вороты к Нагрудному на поле»,³⁹ устраивались учебные бои с использованием подвижной крепости «туляй-города», прозванного москвичами «адом»,⁴⁰ там специально выстроены фортификационные укрепления; Самозванец принимал в них всегда личное участие.⁴¹

³⁵ «И приде пожалый царь (Лжедмитрий II. — А. Л.) под царствующи град Москву и обещав его <...>, Царь же Василей своя сокровища царския ржадесть, воюм, и възжедею бысть нес: видя же царь, яко не обещает граду, собрав по монастырем и по церквам соуды золотые и серебряныя и куши и оклады <...> и честные кресты, раскола и всея целовати воюм, и шито же усше» (Школовские летописи, Вып. 1. М.: Д., 1941. С. 124).

³⁶ Массе И. Краткое известие... С. 117—118.

³⁷ См.: Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 1. С. 50; Массе И. Краткое известие... С. 118; Бутеев К. Московская хроника, 1584—1613. М., 1961. С. 111.

³⁸ Немирновский Е. И. Андрей Чохов (около 1545—1629). М., 1982. С. 51—52.

³⁹ Сказание Авраамия Палицына, М.: Д., 1955. С. 114; Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени, СПб., 1909 (ЧПБ. Т. 13). Стб. 744—745.

⁴⁰ Памятники древней русской письменности, Стб. 55—56, 104, 820.

⁴¹ «Он иногда приказывал строить крепостица и брать из приступом и обстреливать из больших пушек, в чем принимал участие сам, как простой воин и не пренебрегал никакой работой, желая иезанть в московитов доброе разумение, как вести войну» (Массе И. Краткое известие... С. 119).

В начале 1606 г. базой будущего похода была назначена крепость Елец, в которой сосредоточились необходимые материальные запасы из расчета на 300 000 человек.⁴² Для перевозки продовольствия, вооружения и «сестейной казны» монастыри были обложены специальной гужевой повинностью,⁴³ их доходы описаны и большая часть пущена на жалованье «братям людям».⁴⁴

В лучших «рыцарских» традициях крымскому хану был отправлен ультиматум о немедленном поворачивании России «всех поддтей, которые прежде Московское государство принуждено было заплатить хану, а не то он (Лжедмитрий. — А. Л.) обрет хана и весь его народ наголо».⁴⁵ К посланию для наглядности были присовокуплены «дари бесчестны <...> шуба от кож синных»,⁴⁶ призванная наглядно продемонстрировать результаты будущего насильственного бритья.

Планы Крымского похода стали приобретать реальные очертания к концу 1605 г.,⁴⁷ выступление намечалось на вторую половину мая 1606 г. и приурочивалось к завершению свадебных торжеств.⁴⁸ Необходимой частью подготовки кампании стали мобилизационные мероприятия, рассчитанные на повышение боеспособности дворянского поместного войска — «валовое перестание поместным окладом и денежным жалованьем боишим по разным городом служилым людям», «а перестан бояре и окопашные <...> все городы».⁴⁹ Был разработан и маршрут похода — от Ельца на крепость Азов «по воде <...> Доном правиною, а по суху полским походом».⁵⁰

Сохранившиеся фрагменты разрядной документации также свидетельствуют о серьезности намерений Лжедмитрия. Весной 1606 г., не позднее марта, был объявлен сбор поместного войска — «посылаши в полки скидать столышню»;⁵¹ дворян предполагалось разрядить по двум разрядам — «польской службы», т. е. службы «на пою» во главе с воеводой боярином И. И. Шуйским (место двою-

каши — Тула и Новоси), и «береговой службы» под руководством боярина Ф. И. Мстиславского (Серпухов).⁵²

«Береговая служба» — охрана южных рубежей по р. Оке — в России не практиковалась с 1599 г.,⁵³ однако Самошанин считал необходимым воскресить этот старый институт обороны южных границ «для подруги своего крымского царя приходу» — оживилась серьезное обострение международной обстановки. Очевидно, именно для «береговой службы» предназначались беспопытные и наступательных операциях против татарской конницы артиллерия и «дуляйт-город». И то и другое в XVI в. сосредоточивалось в городах «берегового разряда» — артиллерия в Серпухове, «дуляйт-город» — в Коломне.⁵⁴

Разрядные записи констатируют, что выдвинутые полков «на поле» и «на берег» так и не произошло («И по тем обетам росписям, по украинной и по береговой, восвода по полкам не было»⁵⁵), однако основные назначения состоялись, положив начало сбору армии для Крымского похода: «Того же года послал государь (Лжедмитрий. — А. Л.) збирати дворян и детей боярских столышню и стряпчих по городам, а наказы им даны особные».⁵⁶ Накануне свадьбы, принимая в Грановитой палате польских послов, Самошанин «про войну крымскую сказа, <...> что со всею ратью на весну готов».⁵⁷

Выступление было приурочено к окончанию весенней распутицы. В мае 1606 г. под Москвой собрались несколько тысяч готовых к походу вооруженных дворян, составлявших территориальные полки поместного войска — чернышцев, пушляцких, кромичей, ряжанцев, нековичей, помородцев.⁵⁸ По традиции, полк «польской службы» составляли дворяне «украинных городов», «береговой полк» формировался из дворян центральных и других уездов, более удаленных от «полю».⁵⁹ Среди стоявших под Москвой, как видим, были и те и другие.

«Дневник» Марина Мишкек определяет цифру собравшихся под Москвой дворян в 18 тысяч человек, ежедневно партиями выезжавших на юг.⁶⁰ Даже если данные «Дневника» завышены,⁶¹ масштаб подготовлений в любом случае был настолько велик, что вызвали в Речи Посполитой подозрения в подготовке Самошанинцем похода на Краков с целью овладения польским тронном.⁶²

⁴² Белозуров С. А. Разрядные записи... С. 8, 41, 79, 80.

⁴³ См.: Новосильский А. А. Борьба Московского государства с татарами и первый походом XVII века. М.: Л., 1948. С. 44; Загорелский В. П. История вхождения... С. 224.

⁴⁴ Загорелский В. П. История вхождения... С. 205; Очерки русской культуры XVI века. Т. 1. М., 1977. С. 334—335.

⁴⁵ Белозуров С. А. Разрядные записи... С. 80, 155.

⁴⁶ Там же, с. 76.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 14. С. 68.

⁴⁸ Куляшова Н. П. Восстание 1606 г. в Москве и погромы Василия Шуйского // Социально-экономические и политические проблемы истории народов СССР. М., 1985. С. 40—41; Дневник Марина Мишкек. С. 55; Дрезнерские сказания и повести. Стб. 745.

⁴⁹ Загорелский В. П. История вхождения... С. 205.

⁵⁰ Дневник Марина Мишкек. С. 41 (ср.: Миски П. Краткое известие... С. 137). Эту же цифру приводит М. Студинский (см.: Иностранцы в древней Москве. С. 214).

⁵¹ Скрынников Р. Г. Самошанин в России... С. 213—214.

⁵² Фона В. Rokosz Sandomierski... S. 80—81.

⁴² Миски П. Краткое известие... С. 125; ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 68.

⁴³ О приписке к первому Лжедмитрию в польскому походу Василия из приходов-раскольных книг Краснохолмского Аношино монастыря (1605—1606) // Русский архив. 1886. № 3. С. 123.

⁴⁴ Белозуров С. А. История Смутного времени в России в начале XVII века. М.: Л., 1939. С. 190.

⁴⁵ Миски П. Краткое известие... С. 125.

⁴⁶ Сказания Авраамия Павловича. С. 113—114; М. М. Карамзин по не вполне ясным причинам считал историко с польской «бесчестной шубы» «близкой» (Карамзин В. М. История государства Российского. Т. II. СПб., 1824. С. 255).

⁴⁷ Фона В. Rokosz Sandomierski a Dymitr Samozwaniec // Odrodzenie i Reformacja w Polsce. Т. 26. Warszawa, 1981. S. 74; Скрынников Р. Г. Самошанин в России в начале XVII века: Григорий Орешкин. Новосибирск, 1990. С. 185—186.

⁴⁸ Миски П. Краткое известие... С. 125; ПСРЛ. Т. 14. С. 68.

⁴⁹ Потоц А. П. Изборник овыявленных в русских сочинениях и статей, иностранных в хронографии русской редакции. М., 1869. С. 329; ПСРЛ. Т. 34. С. 243. В начале 1606 г. из Москвы в Деревскую пятину Новгородского уезда посылали ука Самошанина «збирати дворян и детей боярских к Москве с челобитными о поместном перестане и о денежном окладе» (Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. Т. 1. СПб., 1838. С. 389).

⁵⁰ Сказания Авраамия Павловича. С. 114. Построения в 1592 г. Елец размещался приблизительно по середине пути к Азову (Тихомиров М. Н. Россия и XVI столетия. М., 1962. С. 422, 426).

⁵¹ Белозуров С. А. Разрядные записи... С. 79. Ср.: Загорелский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 193.

Еще одно свидетельство реальности планов Крымского похода, что называется, лежит на поверхности, хотя и остается практически не замеченным. Речь идет о событиях 17—19 мая в Москве, завершившихся погромом поляков, гибелью Лжедмитрия и избранием на престол царя Василия Шуйского.

События мая, что случается нечасто, начавшая с XVII в. трактуется в историографии приблизительно по одной схеме: это было восстание простых москвичей, возмущенных бесчинствами поляков, которым воспользовались бояре-заговорщики; советская историография добавила сюда лишь классовый компонент.⁶³ Однако совершенно очевидно, что в событиях принимала участие и еще одна организованная сила, не связанная с Москвой, — провинциальное дворянство. Присутствие здесь отобраных полков давало в руки бояре-заговорщиков высокоорганизованную военную силу, в свою очередь имевшую собственные счеты с Самозванцем.

В нестром касейдоскопе событий трех дней мая, при внимательном рассмотрении, «дворянский элемент» опознается легко.

Так, разрядные записи делят восставших на две категории — «бояре и дворяне и воинские люди <...> съеха всея к Москве не городов» и «народ <...> черные люди», которые «в те поры (т. е. с выступлением дворян — А. Д.) возмущаше»,⁶⁴ другие отмечают, что «дворяня <...> наче всех боиних бояр радея и промышляя за православную веру»,⁶⁵ третьи самим описанием вида восставших не оставляют сомнений в их социальной и профессиональной принадлежности.⁶⁶

Не составляя большинства участников выступления, дворяне были той организующей силой, на которую пали самые сложные и военном отношении задачи. М. Стадницкий сообщает, что именно военные отряды, готовые для похода в Крым, «отметиники-москвичи выпускают через ворота <...> в город», что положило начало вооруженным действиям.⁶⁷ В конце концов основную задачу выступления — убийство Лжедмитрия — выполнили отнюдь не абстрактные «люди Московского государства» (стандартная формула — характеристика восставших в русских источниках), а вполне реальный отряд в 200 дворян, прорвавшийся в Кремль во главе с В. И. Шуйским и В. В. Голыциным.

Именно в него входили те, чья рука оборвала жизнь Самозванца, — дворяне И. В. Восейков и Г. Л. Валуев.⁶⁸

И. В. Восейков-мелшой накануне Смуты, в 1602—1603 гг., несмотря на то, что при Грозном был стольником и при Федоре Иоанновиче посвоядой в одном из сибирских городов, числился выборным дворянином по Вязьме, т. е. служил в провинции.⁶⁹ Грозно

⁶³ Подробнее см.: Кулакова Е. П. Восстание 1606 г. ... С. 35—37.

⁶⁴ Белокуров С. А. Разрядные записи... С. 9.

⁶⁵ ГИМ, Муз. ф. 44, л. 59 об.

⁶⁶ «Конные и пешие, князи, и посвояца, и дворяне, и дети боярские... и с снарядом, и с самонаца, и с конья, и с рогатица, и в доспехах, и в латах, и в пономых, и со всяким бранным оружием» (Древнерусские святицы и повести. Сб. 748).

⁶⁷ Цит. по кн.: Иностранцы в древней Москве. С. 234.

⁶⁸ Карашин И. М. История государства Российского. Примеч. 532; Скалдин современников о Дмитрии Самозванце. Т. 1. С. 416, примеч. 159.

⁶⁹ Мурдошина С. П., Станиславский А. Д. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 г. М., 1977. С. 169.

сказать, чем было мотивировано столь редкое понижение «в службах» представителя древнего рода, но появление Восюкова в Москве могло быть связано с подготовкой похода на Крым (выборные дворяне обычно назначались на важные командные должности — сотенных и подполковых голов).

Валуевы же к столичному побывтвету вообще отношения не имели. Род принадлежал к верхнему слою провинциальных детей боярских и служил с поместьем по уездам, не имея владений под Москвой.⁷⁰ Г. Л. Валуев мог попасть в столицу, в первую очередь, как участник готовившегося похода. Кстати, единственный из однокоренных, он дослужился до думного дворянства, пожалованного Г. Л. Валуеву после Смуты.⁷¹ Возможно, начало столь блестящей карьеры провинциала положил именно участие в событиях мая 1606 г.

В исследованиях особо отмечается роль новгородских и псковских дворян — ударной силы выступления.⁷² По старой традиции, напомним, их уделом были не «польская», а «береговая» служба. Вряд ли можно считать совпадением то, что отряд дворян, вставший штурмом Кремль, возглавляли воевода «берегового полка» роженец весны 1606 г. В. И. Шуицкий числился по той же полковой полка правой руки, В. В. Голицын — сторожевого полка.⁷³ Так что заговорщики имели возможность осуществить свой замысел с помощью дворян, подчиненных им непосредственно по службе.

Скорее всего, с тем же планировавшимся походом на Крым связан и не до конца явный эпизод с призывом Самованцем «к Москве» казачьих отрядов во главе с самованцем «царевичем Петром».⁷⁴ Получив приказ «йти к Москве напек», казаки так и не достигли столицы, получив в пути известие о гибели Лжедмитрия. Можно, разумеется, видеть в этом некий элемент интриговитической игры Самованца,⁷⁵ но надо помнить, что казачьи отряды с середины XVI в. постоянно призывались на службу в большой и передовой полки.⁷⁶

Наконец, еще одно указание на наличие поместного войска под Москвой в мае 1606 г. содержит грамота об утверждении на царство вновь избранного царя Василия Шуицкого: среди тех, кто соборно утвердил на престоле нового «государя всея Руси», согласно документу, были дети боярские.⁷⁷ Известно, что в спешке полномочный Земский собор созвать не успел,⁷⁸ следовательно, провинциальное дворянство могли представлять на каком-то подобии,

⁷⁰ Савельев Л. М. Родословные записки. Вып. 2. М., 1912. С. 89—90; Нерсисовский С. К. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 296.

⁷¹ Савельев Л. М. Родословные записки. Вып. 2. С. 11.

⁷² Шлиштина С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1995. С. 189; Куликова И. П. Восстание 1606 г. ... С. 49.

⁷³ Бельжурин С. А. Урядные записки. С. 80, 136.

⁷⁴ Подробнее см.: Корсаков В. П. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 253—255.

⁷⁵ Ср.: Там же. С. 255 и след.

⁷⁶ Чернов А. П. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954. С. 87—88.

⁷⁷ СГД. Т. 2. С. 300—301.

⁷⁸ Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 152.

именем место после восстания, только те из дворянского сословия, кто ожидал под Москвой похода на Крым и принял участие в выступлении.

Особый и большой вопрос — мотивы, по которым дворянство поддержало заговор. В любом случае, дворянам центральных и прочих удаленных от южных «украин» уездов он нес не столько прибытки, сколько «прототы», да еще в пору начала сельскохозяйственных работ. Шел он в разрез и интересам страны в целом, долго и упорно добывавшейся мира на южных «украинах» и занятой в основном внешней обороной малолюдного пограничья от татарских набегов.⁷⁹ С. Ф. Платонов пишет, что бояре-заговорщики «использовались проходившими через Москву на службу в южные города воинскими отрядами»,⁸⁰ однако совершенно ясно, что «использовались» можно было только теми, кто сам этого пожелал бы. С этой точки зрения не стоит недооценивать степень как неинтересованности дворян в походе, так и уверенности корпорации в силе собственных возможностей повлиять на ход событий, так ярко проявившейся в пору восстания на престол Самозванца.

Факт активного участия «воинских людей» в майском выступлении говорит о том, что Крымский поход был во всех отношениях делом решенным, и правительство Лжедмитрия I действительно предприняло реальные шаги по организации беспрецедентной военной кампании. В ряду этих подготовительных мероприятий чеканка «золотых» для грядущих разряд «в полки» выглядит вполне уместной.

С сожалением нужно констатировать, что практически ничего не известно относительно механизма принятия решений об изготовлении наград. Однако есть основания полагать, что «золотые» изготавливались заранее, а не после получения известий об одержанных победах.

Возможно, основную роль здесь играла длительность процесса изготовления инициалей для чеканки «золотых», косвенные сведения о чем можно почерпнуть из любознательной переписки между «разрядным шатром», полемым штабом русской армии, и столичными боярами, относящейся к лету 1654 г. Царь Алексей Михайлович в это время находился под Смоленском, во главе похода, и оттуда в Москву был направлен указ «прислать <...> на стан в Смоленск наспех с великим поспешением двести тысяч денег золотых, сорок тысяч серебряных золоченых да денежные и ефимочные капи». ⁸¹ Из указа следует, что армия выступила в поход в мае 1654 г., не имея запаса «золотых». Решение Земского собора о «внезапном походе на недруга своего польского короля» состоялось на рубеже октября—ноября 1653 г.,⁸² следовательно, «золотые» изготавливались не менее семи месяцев и к моменту выступления армии из Москвы еще не были готовы. В этом случае количество их определялось «на плазок», а не с ориентацией на конкретные цифры награждаемых, что

⁷⁹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства... С. 37—38, 44; Станиславский А. И. Грехованская война в России XVII в.: Качественно на переломе истории. М., 1990. С. 19.

⁸⁰ Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории. Т. 2. С. 436.

⁸¹ РГДА. ф. 141, оп. 3, ч. 2, сд. хр. 89, л. 2, 5, 9.

⁸² Мавлиц А. И. Россия и Белоруссия в XVII веке. М., 1973. С. 23.

легко иллюстрируется остатками «золотых» в казне после раздачи «в поляки».⁸¹

Если вышеприведенные предположения верны, то время чеканки «золотых» надо отнести к весне 1606 г. Редкость их в нумизматических собраниях, таким образом, связана не только с одиозностью имени Самозванца, но и просто с тем, что раздачи наград так и не были произведены, поскольку поход не состоялся.

Говоря о пресметенности наград «сыни» от «золотых» Ивана Грозного, стоит обратить особое внимание на титул Лжедмитрия, как он начертан на «золотых». Надо сказать, что и в этой сфере государственной и придворной жизни «царь Димитрий Иванович» не связывал себя традициями: «Гордя же ся в бегумни <...> повеле в титулах писати себя пачеишим, непобедимым цесарем».⁸² Примеров этому в государственных документах предостаточно, равно как и в нумизматике, например в вышеупомянутых медведях 1604 г. Но на «золотых», без сомнения преднамеренно, самозваный царь не только полностью повторил «отчий» титул, но и, подобно Грозному, упомянул в числе российских владений Подолец.

Между тем еще летом 1579 г., через шестнадцать лет после присоединения Подолека к Российской державе, город вторично вертулся в состав Речи Посполитой после удачного похода армии короля Стефана Батория.⁸³ Иначе как изловить польской короле подобное титулование Лжедмитрия расценить невозможно. Скорее всего, Самозванец стремился подчеркнуть пресметенность своей внешней политики от политического курса Ивана Грозного. Недаром и его первый военный поход, как некогда при Грозном поход на Казань, озаглавленный началом долгого правления Ивана IV, был направлен против «счастливых азаря».⁸⁴

Уповать на «пропагандистский» эффект «золотых» Лжедмитрий мог только в том случае, если «государева пожалованье» глубоко укоренилось в сознании и быту современников.

И. Г. Спасекин привел сведения о награждениях «золотыми» в 50—70-е годы XVI в., отметив, что именно в это время система наград сложилась в полном объеме, включавшем не менее пятнадцати номиналов.⁸⁵ Полное выявление всех случаев пожалованний еще предстоит сделать, пока же констатируем, что, действительно, с середины XVI в. они стали широко практикуемой формой личной награды. Только в 50-х годах XVI в. «посылки» к воеводам с «золотыми» отмечены не менее семи раз (без упоминаний номинала пожалования).⁸⁶ Разрядные книги отмечают широкие раздачи «золотых» и в 60-е годы, также без указания на достоинство награды.⁸⁷

⁸¹ Ср.: Приходо-исходные книги московских приказов, 1619—1621 гг. М., 1983.

⁸² Сказание Авраамия Палицына. С. 113.

⁸³ Спасекин И. Г. «Золотые»... С. 111; Мельникова А. С. Русские монеты... С. 86.

⁸⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. М., 1989.

С. 631—632.

⁸⁵ Спасекин И. Г. 1) «Золотые»... С. 96; 2) Монеты и монетовальное дело... С.

124, 126.

⁸⁶ ИСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 62, 115, 162, 233, 265, 266, 280.

⁸⁷ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 1. М., 1981. С. 58, 96—97, 103.

С рубежа 60—70-х годов росниси наград в десах Рязрядного приказа сопраножаются сведениями о номинале «золотых»: «корабленой» воеводам большого полка, «золотой московский большой» воеводам друтих полков, «золотой московский меплшой» вторым воеводам, «цель золотого» головам стрельцов, дякам и татарским муздам, дворянам — «по поугородке а ишим по московке золотой», стрельцам и детям боярским — «по дене» и по «денешке золотой».⁹⁰ С появлением пашенников-иностратцев рязрядчи коснулись и их, и уже при Годунове, как отметил И. Массе, стали «обычным делом»,⁹¹ охватившим «воинских людей» вплоть до дальних окрестни, включая Сибирь.⁹²

Столь уверенное вхождение «золотых» в российский обиход делало их чеканку и преддери несоостоявшегося похода на Крым не только оправданной с «политической» точки зрения, но и просто необходимой. Ведь «золотые» были вплоть до конца XVII в. единственной формой поощрения, практикованной в русской армии и ходе военных действий, — поместье и вотчинные «дачи» производились, как известно, только по завершении кампании.

И последнее. Казалось бы, «золотых» высшего ранга, а вместо таковы дошедшие до наших дней награды Самозванца, нигде не было так немного, что вряд ли они получили широкую известность у современников. Однако, похоже, внешний вид наград, во всяком случае в конце XVII в., был известен в России даже тем, кто шканди не держал их в руках.

В подписанном Петром I указе о введении в Россию гербовой бумаги (22 января 1699 г.) и описании «клейма», несшего изображение государственного герба, последнее сопоставлялось с размерами «золотых»: для актов среднего достоинства «клеймо» полиалось «солнчиною против золотого», для прочих — «за печатло в полы золотого».⁹³ Для государственного распоряжения, действующего по всей России и рассчитанного на всеобщее ознакомление, подобная отсылка имела смысл только в том случае, если многочисленные адресаты указа были знакомы с размерами «золотых» по понаслышке.

Трудно безоговорочно утверждать, что нечто подобное имело место и в начале XVII в., но к 1606 г. система действовала как минимум три десятилетия.

Так что со всех точек зрения чеканка Самозванцем полного комплекта «золотых» (сохранились, напомним, два номинала серни, начальнай и завершающий, и сведения о существовании третьего) принадлежала не дворцовому обиходу, а русской военной традиции.

⁹⁰ Рязрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. М., 1982. С. 241, 315, 360. Т. 3, ч. 1. М., 1984. С. 75, 76, 203. Одновременно, хотя и редко, упоминаются и «золотые» без указания номинала.

⁹¹ Массе И. Краткое известие... С. 39, 89.

⁹² В 1596 г. из Москвы посылали с «золотыми» в сибирские воеводам и головам хорунжим из г. Тары «из Кучюма царя» (ПСРЛ. Т. 14. С. 51).

⁹³ ПСЗ. Т. 3. С116, 1830. С. 597—598.